

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

П. С. КАРАКО

КАТЕГОРИИ *целое и часть* В КУРСЕ ФИЛОСОФИИ (содержательные и методические стороны изложения)

В последнее время многими преподавателями философии поднимается вопрос о необходимости коренного изменения характера преподавания курса философии в высшей школе, освобождения его от идеологических и политических наслоений предшествующих десятилетий. Но в погоне за обновлением многие преподаватели, руководствуясь благими намерениями, нередко отказываются и от того положительного, рационального, что было накоплено многолетним опытом преподавания философии. Последнее находит свое выражение в уменьшении количества учебного времени, отводимого на изучение фундаментальных положений материалистической диалектики, исключения из программ курса ряда важнейших мировоззренческих вопросов и включения в них практически без разбора всего того, что сегодня переводится и издается.

Свидетельством сказанному может быть отношение наших философов к таким важнейшим категориям диалектики, как *целое и часть*. Хотя они и были обоснованы в свое время еще Аристотелем и являются столь же «старыми», как и сама философия, но в учебных программах и новых учебниках им не всегда уделяется должное внимание. Эти категории были «прописаны» Аристотелем и в биологии. Со времени выхода его философских и биологических работ то или иное понимание *целого и части*, их соотношения составляло и составляет методологическую основу практически всех биологических теорий.

Вот почему ознакомление студентов, особенно медико-биологических специальностей, с категориями *целого и части*, их соотношением имеет принципиальное значение при изучении истории философии, раскрытии методологической роли философии в системе биологического познания. При этом нужно иметь в виду и то, что рассматриваемые категории всегда были предметом поляризации различных философских систем. Они остаются такими и сегодня. Так, современный австрийский философ К. Гюнцль утверждает, что в основе мира лежит духовно-созидательный принцип, который включает в себя не только признание первичности духа, но и того, что «дух — это метафизическая воля к целостности». Именно «дух, метафизическая, нацеленная на формирование целостности воля, создает целое»¹. Такая воля проявляется, по его убеждению, в атомах, молекулах, генах, организмах живой природы и, наконец, в людях.

В курсе философии категории *целое и часть* следует включать в план лекций по теме «Основные категории диалектики». При наличии достаточного количества учебных часов для студентов биологических и медицинских специальностей данная пара категорий может стать темой самостоятельной лекции. Отметив важность и необходимость включения категорий *целого и части* в содержание лекции, преподавателю следует ознакомить студентов с тем, как трактовалось их соотношение в истории философии и биологии. Для Гегеля, например, характерным было признание не только важности этих категорий, но и их противоречивого соотношения. «Содержание, — писал он, — есть целое и состоит из частей (формы), из своей противоположности»². Теоретическое знание, будучи отражением реальных противоречий окружающего мира, с необходимостью включает в себя и противоречивое соотношение целого и части.

Игнорирование этого противоречия, непонимание диалектической связи *целого и части* составляло логико-гносеологическую основу механистических и виталистических трактовок процессов развития живого. Именно противопостав-

ление части целому, а целого части, возведение их в абсолют не позволяло вскрыть и исследовать момент их единства и взаимообусловленности, а тем самым и реальное противоречие развития живого. В механистических концепциях оно понималось как развитие от частей к целому. Так, один из создателей клеточной теории строения растительных и животных организмов Т. Шванн считал, что все организмы, в сущности, состоят из одинаковых частей — клеток. Последние обладают «собственной силой» и «самостоятельной жизнью». Поэтому «основа питания и роста лежит не в организме как целом, а в отдельных элементарных частях — в клетках»³. По Шванну, организм — всего лишь сумма самостоятельных и независимых друг от друга частей (клеток). Данная концепция целостности организма получила дальнейшее развитие и закрепление в целлюлярной патологии Р. Вирхова, целлюлярной физиологии М. Ферворна, механике развития В. Ру и других концепциях и направлениях биологии.

Названные и другие биологические концепции строились на механистическом понимании целостности живых систем, когда целое воспринималось как сумма независимых частей. В конце XIX — начале XX в. оно стало методологической основой идеалистических (виталистических) трактовок целостности и процессов развития живого, абсолютизирующих роль целого. Если же целое больше суммы частей, то развитие живого предстает как развитие от целого к частям. Целое и детерминирует такой процесс развития. В обоснование данной концепции существенный вклад внес известный немецкий эмбриолог Г. Дриш. Поскольку его представления о целостности разделяют К. Гюнцль и многие другие современные виталисты, постольку имеет смысл ознакомить студентов с его системой обоснования природы целого и витализма.

Витализм Дриша возник на основе философской интерпретации проводимых им опытов по искусственному разделению зародышевой клетки амфибий (бластомеров дробления). Они свидетельствовали, что разделенные клетки развиваются в целостный организм, только меньших размеров по сравнению с исходным. Дриш убедился, что различные части (клетки) развивающегося организма могут обладать равными наследственными возможностями и что в процессе развития утраты наследственных факторов не происходит. В то же время выявилось реальное противоречие между равнонаследственным делением и специфической дифференциацией клеток в развивающемся организме. Это бесспорное для биологов положение не могло не вызвать определенных теоретических затруднений. Требовалось расшифровать кажущийся «парадокс природы»: все более дифференцирующиеся в ходе эмбрионального развития клетки сохраняют, однако, видовые свойства и всю полноту наследственной информации, характерной для данного организма. Клетка этим самым предстала и как часть целого, и как потенциальный целостный организм.

Вторым «парадоксом развития» стало для Дриша явление регенерации, когда при утрате некоторых частей тела (например, кусочка жаберной корзины у асцидий) они могут восстанавливаться до целостного организма. Все это оказалось труднообъяснимым с позиций механистической методологии, которой придерживался Дриш. Если организм — это, прежде всего, сложная машина, то в явлениях регенерации каждая часть организма-машины должна содержать в себе также целую машину. Такие же машины — образующиеся при делении новые клетки. Поэтому каждая часть организма может быть представлена бесконечным множеством сложных машин. Однако, как заявляет далее Дриш, такое представление является абсурдным. Поэтому необходимо признать наличие фактора целостности, гармоничности и распределения перспективных способностей каждой из клеток развивающегося организма. Таким фактором является энтелехия. Хотя Дриш и называет ее «фактором природы», но она неделима и нематериальна. «Энтелехия, — пишет он, — может быть только мыслима»⁴.

Как видим, витализм Дриша возник в связи с трудностями интерпретации противоречивых взаимоотношений *целого* и *части* в системе развивающегося организма. Вот почему и вводимая им энтелехия проявляет себя не в действии на части целого, а на их взаимоотношениях. У Дриша она выражает и объясняет качественное отличие живого от неживого, приспособительный характер реакций организма как целого на внешние воздействия, возрастание внутреннего многообразия живого в процессе развития, эквипотенциальную соотнесенность каждой части с целым. Незримо присутствуя в организмах, энтелехия, утверждал Дриш, составляет сущность жизни, основу наследственности и всех других присущих живому качеств. Она несет в себе и цель движения живого, основу свойственных организмам упорядоченности и целостности. Только благодаря энтелехии организм и выступает как нечто большее, чем сумма частей.

Хотя витализм Дриша и возник на методологической основе механистической трактовки соотношения *целого* и *части* биологами того времени, но он был и своеобразным «выходом» из ее ограниченностей. Дриш установил недостаточность исследования причинных связей в развитии живой системы по типу механической детерминации. Он обнаруживает, что в живом суммативное рас-

пределение частей переходит в распределение, которое можно назвать «целым». Взамен принципа механической детерминации частей Дриш выдвигает особую форму причинности — причинность целостности. Хотя последняя и истолковывалась им как наличие «господствующего над частями фактора», но попытка раскрыть проблему целостности через причинность имела важное значение. С проблематикой «причинности целостности» Дриш поднимает проблему целостности организма, вне решения которой нельзя представить решение проблемы развития живого.

Витализм Дриша явился, таким образом, ни чем иным, как идеалистической трактовкой процессов развития живых систем, конкретные механизмы которых было трудно объяснить с позиций механистической методологии. То, что в телеологии Дриша в какой-то мере учитывались установленные им факты эмбриональных регуляций и реальная диалектика *целого* и *части*, позволяло такой телеологии быть плодотворной в методологическом отношении на определенных этапах развития человеческого познания. Поэтому нигилистические отбрасывания ее, как это было у нас, недопустимо. Ибо витализм Дриша оказал значительное воздействие на теоретическое мышление многих биологов первой половины XX в. Так, некоторые из них упрекали И. П. Павлова в том, что своим учением о безусловных и условных рефлексах он создал корпускулярную теорию поведения организма, тогда как для развивающегося организма характерна изначально целостная реакция поведения. Американский физиолог Дж. Когхилл в противовес И. П. Павлову обосновал концепцию, которая, с его точки зрения, охватывает все формы поведения и эмбриогенеза самых различных видов животных.

Согласно концепции Дж. Когхилла, образование структур и функций организма следует за развитием типа его поведения. Но «тип поведения с самого начала полностью охватывает все растущее нормальное животное, представляя совершенно интегрированное единство»⁵. В структурном отношении «целостный тип» представляет определенный, «тотальный» комплекс нервных связей и поэтому с начала возникновения он является неделимым на части. Лишь позже внутри «целостного типа» выделяются отдельные элементарные реакции по типу рефлексов. Причем возникновение местных рефлексов или «частичных типов» есть не что иное, как возникновение отдельных качеств на «определенном фоне». Другими словами, целое предшествует своим частям, оно изначально.

Взгляд на организм как телеологическую целостную систему оказался питательной почвой для многих идеалистических биологических теорий развития (батмизм, организмизм, холизм, эмерджентизм и др.). Дришевское понимание целостности организма просматривается в концепции ноосферы Тейяра де Шардена, а также и воззрениях многих современных естествоиспытателей, социологов, психологов, философов. Для всех их характерным является признание того, что целое изначально и больше суммы своих частей. Последнее утверждение вошло в теоретическое мышление не только западных ученых. Даже в нашем современном учебнике по курсу философии студентам предлагается усвоить следующее положение: «Целое по каким-то причинам есть нечто большее, чем его части, вместе взятые»⁶. Некорректность подобной формулировки и ее включение в учебник вызывает удивление: ведь это виталистическая трактовка целого.

На методологической основе последней К. Гюнцль не только пытается обосновать природу органического целого, но и особенности современного нового мышления в политике, системе межгосударственных отношений. Особый интерес вызывает его концепция целостного развития общества. Для него целью социального развития является «единство рода человеческого, создание живого целого, охватывающего все народы земли»⁷. Только в таком целом, по его мнению, будет обеспечен порядок и свобода личности. Отсюда и высшую цель развития общества он видит в «приращении» целого путем усиления созидательной деятельности «творящего Духа» и любви людей к Богу, и любви Бога к миру людей.

Но этой эволюции, по убеждению Гюнцля, препятствует философия диалектического материализма. Именно она отрицает «созидательную силу Духа и Бога», негативно относится «к идее духовной основы мира», а целостность природы выводит не из «трансцендентного принципа», а «из материи». Все это и «побуждает силы Духа перейти в наступление» на данную философию, которая будет ниспровергнута признанием целого как «божественного акта творящего Духа».

К. Гюнцль не первый, кто пытается опровергнуть диалектический материализм. Но он забывает, что не в рамках диалектического, а в рамках естественно-исторического материализма была впервые обоснована научная концепция целостности. Еще в прошлом веке работы Ч. Дарвина, А. О. Ковалевского, И. И. Мечникова заложили подлинно научные основы раскрытия природы целостности организмов. В этой связи важную роль они отводили коррелятивным связям, взаимодействию клеток, тканей и органов и их функционированию в развивающемся организме. В XX в. обоснование целостности живого, эволюци-

онных механизмов ее становления приумножено исследованиями А. Н. Северцева, И. П. Павлова, И. И. Шмальгаузена и многими другими биологами. В их ряду особая роль принадлежит академику И. И. Шмальгаузену. Активно выступая против механистических и виталистических концепций целостности живых систем, он раскрыл диалектический характер соотношения в организме целого и части, механизмы и детерминирующие факторы его целостного развития. «Организм, — разъясняет Шмальгаузен, — не сумма, а система, т. е. соподчиненная сложная взаимосвязь частей, дающая в своих противоречивых тенденциях, в своем непрерывном движении высшее единство — развивающуюся организацию»⁸.

Цитируемую работу И. И. Шмальгаузена можно рекомендовать студентам для подготовки выступлений на семинарском занятии по рассматриваемым категориям диалектики. При этом преподавателю следует обратить внимание студентов на тот факт, что на основе виталистической концепции целостности ни Дришу, ни последующим его сторонникам не удалось создать сколько-нибудь влиятельной школы «биологического идеализма». Концепция целостности живого, разработанная в рамках естественноисторического материализма, была и остается тем «устоем», «о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма»⁹ в биологии.

Изложение содержания категорий *целое* и *часть* невозможно без их определения, методологическим обоснованием которого может быть только такой подход, когда учитываются их противоречивость и взаимосоотношенность. Здесь будет уместным напомнить определение категории *целое* Гегелем: «Целое по своему понятию есть то, что содержит в себе части»¹⁰. Но не просто части, а взаимосвязанные части. Вот почему целое — это система, образованная взаимосвязанными частями и обладающая свойствами, которых нет у составляющих ее частей. Оно не предшествует, а развивается одновременно с формирующимися частями. Целое определяет и функции частей, а специфические функции частей (через их взаимодействие) определяют особенности целого. В этом отношении можно сказать, что часть включает в себя и некоторые специфические свойства целого, но в целом свойства частей сняты. Вот почему они относительно независимы, автономны и выступают в качестве противоположности целого. Часть — это относительно самостоятельный компонент функционирующей целостной системы. Только в своем противоречивом взаимоотношении *целое* и *часть* обеспечивают устойчивость живой системы, ее функционирование и развитие.

Размеры настоящей статьи не позволяют остановиться более подробно на анализе диалектического соотношения целого и части, природы органической целостности. Эти вопросы были предметом специального рассмотрения в одной из монографий автора¹¹. Диалектико-материалистический анализ этих категорий осуществился в работах В. Г. Афанасьева, Г. А. Югая и других философов. Развитие традиции философского анализа категорий *целое* и *часть*, выявление их методологической роли в системе научного познания будут обеспечиваться нынешними и будущими студентами при условии, что еще в период обучения в вузе они ознакомятся с фундаментальными вопросами философии и различными методами их исследования. Все это и обуславливает целообразность включения затронутых нами вопросов в учебный процесс.

¹ Гюнцль К. Новое мышление в преодолении прошлого и созидании будущего. М., 1993. С. 86.

² Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 301.

³ Шванн Т. Микроскопические исследования. М.; Л., 1939. С. 341.

⁴ Дриш Г. Витализм, его история и система. М., 1915. С. 263.

⁵ Когхилл Дж. Анатомия и проблема поведения. М.; Л., 1934. С. 70.

⁶ Введение в философию. М., 1989. Ч. 2. С. 117.

⁷ Гюнцль К. Указ. соч. С. 90.

⁸ Шмальгаузен И. И. Избранные труды. М., 1982. С. 15.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 372.

¹⁰ Гегель. Указ. соч. С. 301.

¹¹ См.: Каракоев П. С. Философские аспекты индивидуального развития организма. Мн., 1974.